

Иллюзорное Царство Бессмертной Судьбы, о котором предупреждал Крайний Восток, открылось совсем скоро.

Обладающий поистине благочестивым, исполненным величия видом Владыка Горы призвал Цзян Фэя, чтобы узнать, намерен ли тот испытать удачу в этой иллюзии.

— В том царстве таится множество кошмаров, и для смертного оно несёт смертельную опасность, — произнёс Владыка. — Ты всё ещё хочешь туда отправиться?

Цзян Фэй ответил почти без раздумий:

— Не хочу.

Лицо Владыки Горы мгновенно помрачнело. Из последних сил подавив раздражение, он попытался придать своему облику хотя бы подобие доброжелательности:

— Ты провёл на Священной горе Пэнлай полгода. Неужели не ради этого самого момента? Найти бессмертную судьбу непросто, встать на путь бессмертия — и того сложнее. Но это куда лучше, чем оставаться обычным смертным в мирской суете и бессмысленно доживать свои дни до самого конца.

Увещевания не произвели на Цзян Фэя особого впечатления, но он спокойным тоном возразил:

— Я сказал, что не хочу, но не говорил, что не пойду.

Владыка Горы аж поперхнулся:

— А есть разница?!

— Разумеется, — убеждённо кивнул Цзян Фэй. — Работать на вас даром мне тоже не хочется, но я ведь до сих пор не ушёл. Вот вам и разница.

Цзян Фэй отчетливо помнил о своей мечте обрести бессмертие, но фальшивые речи хозяина горы не вызвали у него ни малейшего доверия.

Грудь Владыки Горы судорожно вздымалась — потребовалось немало усилий, чтобы сдержать вспыхнувшую ярость.

Открытие иллюзорного царства назначалось через три дня, но из-за огромного расстояния выходить требовалось уже завтра.

Цзян Фэй не возражал:

— Я возьму с собой своего барана и белку.

Если оставить их здесь, к его возвращению от бедняг даже костей не останется — всё сварят.

Владыка Горы сглотнул слюну. Ему было жаль расставаться с двухсотфунтовым упитанным бараном, однако, не дав Цзян Фэю добавить ни слова, он неожиданно согласился. Более того, предложил отправить и тучную овцу, и прелестную белку прямо в легендарное царство.

Уходя и поглаживая подбородок, он невольно пробормотал себе под нос:

«Раньше только двуногих отправлял, совсем забыл поэкспериментировать с другими тварями».

Цзян Фэй заподозрил, что под «экспериментами» тот подразумевал исключительно дегустацию.

Погладив бодавшего его в ногу Паньцзяо, Цзян Фэй вздохнул:

— Эх, Цзяо... Как бы не вышло так, что в будущем мы с тобой буквально станем единым целым.

Паньцзяо ткнулся рогом ему в бок. Шуточки Цзян Фэя казались барану чересчур холодными... Точнее, слишком горячими — как кипятки в котле.

А вот крошка Ушу вела себя куда милее глуповатого Паньцзяо и ничуть не обижалась. Ловко расколов кедровый орешек острыми зубками, летучая пророчица протянула ядрышко прямо к губам Цзян Фэя.

Тот не стал церемониться, наклонился и подхватил угощение. Маслянистый, насыщенный вкус заполнил рот, немного сбив витавшую в душе тревогу.

Ушу прижалась пушистой головкой к его подбородку. Её мягкая шерстка дарила приятное тепло — самое чистое и трогательное ощущение, на которое только способно маленькое животное.

Настоящая ласковая, послушная летучая белка.

Цзян Фэй погладил её по макушке и неожиданно произнёс:

— Жаль, что я познакомился с тобой только сейчас.

Ушу уставилась на него огромными блестящими глазками, явно не понимая смысла этих слов.

Да и сам Цзян Фэй не совсем понимал, отчего сорвалась эта фраза, — ведь он растил эту зверушку с самого детства.

Если Владыка Горы отдавал распоряжения днём, то Крайний Восток пришёл глубокой ночью. Он снял с себя все многочисленные украшения и изо всех сил постарался вооружить Цзян Фэя до самых кончиков ногтей.

При этом он непрестанно тараторил:

— Слушай меня внимательно. В Иллюзорном Царстве Бессмертной Судьбы кишат кошмары. Внешне это иллюзия низшего уровня, но внутри таятся куда более жуткие опасности. Ты войдёшь лишь во внешний слой, но даже там для смертного каждый шаг — смертельный риск. Этот нефритовый кулон способен создать небольшой барьер, а вот этот талисман наклеишь на себя сразу, как окажешься внутри...

Крайний Восток говорил без остановки, и к концу его речи на глазах у него выступили слёзы:

— Ты должен выжить. Обязательно вернись живым!

Иллюзорное Царство Бессмертной Судьбы было несравнимо опаснее, чем описывал Владыка Горы. Порожденья кошмаров считались там лишь низшей тварью, тогда как в глубинах роились бесчисленные немыслимые сущности. Вступающие туда люди становились для них лишь свежей добычей.

Впрочем, бессмертная судьба там действительно таилась. Если смертному улыбалась удача, он мог вступить на иной путь — путь, не требующий наличия духовных корней.

— Запомни крепко-накрепко: как только выберешься оттуда, беги не оглядываясь! Никому не верь. Никому, включая меня!

Крайний Восток с каждым днём всё больше походил на настоящего небожителя, однако сейчас этот бессмертный проливал горькие слёзы, без тайн пересказывая Цзян Фэю всё, что смог разузнать:

— Человек, сумевший выбраться из Иллюзорного Царства Бессмертной Судьбы — это самый изысканный деликатес.

Настоящее лакомство, ради которого даже такие сущности, как Владыка Горы, готовы

терпеливо выкармливать свою добычу.

Крайний Восток сжал руку Цзян Фэя и вывел на его ладони иероглиф «Восток».

Иди прямо на восток и не оглядывайся.

— Ты понимаешь, о чём я? — спросил Крайний Восток.

Цзян Фэй всё понимал. Говоря об отказе, Крайний Восток имел в виду не только Пэнлай, но и себя самого — как друга, а также подвластный Пэнлай городок Линьси, где остались все близкие Цзян Фэя.

На сердце стало тяжело и тоскливо.

— Крайний Восток, — тихо сказал Цзян Фэй, — ты тоже береги себя.

— Со мной всё будет в порядке, — сквозь слёзы улыбнулся тот. — Я ведь редкий обладатель небесного духовного корня, да ещё и стихии металла, самой боевой! Мы оба выживем.

То были его последние слова.

Владыка Горы лично сопровождал Цзян Фэя к месту испытания. Использованное им верховое животное представляло собой полуптицу-полурыбу, вдоль брюха которой тянулся грубый шов, скреплённый белой жилой.

Эта птица способна была взмывать ввысь на девяносто тысяч ли, а стоит ей погрузиться в воду — и уплыть, взмахнув рыбьим хвостом, как ни один глубоководный монстр не мог её нагнать.

Невероятная скорость.

Владыка Горы искренне гордился своим творением. Поглаживая отращённую пышную бороду, он изрёк:

— Это творение именуется Куньпэн. Я создал его, скрестив Золотокрылого Дэна и Великого Куня из Южного моря. Люди... воистину удивительный вид.

Он говорил так, будто сам не имел к человеческому роду никакого отношения, хотя внешне оставался всё тем же благообразным старцем с выправкой бессмертного.

Что же до того, как скрещивание Куньпэна было связано с людьми, Цзян Фэй бросил ещё один взгляд на белую жилу и догадался: скорее всего, её свили из человеческих спинных сухожилий.

Размеры Куньпэна поражали — сколько же людей пришлось обдерить, чтобы сплести столь толстый и длинный канат?

Владыка Горы сокрушался о слабости человеческого тела, способного, однако, послужить материалом для создания столь могучего чудовища. Будто намекал на самого себя — ведь даже сейчас, достигнув таких высот, он всё ещё вынужден был выкармливать людей, чтобы поддерживать свое существование.

— А на вегетарианство перейти никак? — внезапно спросил Цзян Фэй.

Владыка Горы обомлел:

— Что?..

Цзян Фэй лишь похлопал Паныцзяо по голове, делая вид, будто просто болтает со своим бараном.

Иллюзорное Царство Бессмертной Судьбы располагалось в горах Куньлунь. На самой вершине возвышались два естественных каменных столба, стоявшие друг напротив друга подобно исполинским вратам.

Скала изобиловала причудливыми выступами, а два самых острых и крупных до боли напоминали звериные клыки.

Посланники Пэнлай прибыли не первыми: у каменных ворот уже стояло несколько групп. Как бы ни разнились их обличья и одеяния, возле каждого бессмертного ютилась группа красивых смертных — и юношей, и девушек.

Цзян Фэй тут же выскочил вперёд Владыки Горы и принялся с живым интересом разглядывать собравшихся.

— Ты что удумал? — нахмурился Владыка.

За время пути он сблизился с Цзян Фэем больше прежнего и не раз ловил себя на мысли, что совершенно не понимает этого парня.

Цзян Фэй от души похвалил:

— Симпатичные.

Владыка Горы лишь промолчал.

Не желая спорить, он повернулся к своим единомышленникам. Кто-то из присутствующих произнёс весьма нелюбезным тоном:

— Пэнлай, в этом году вы привели всего одного?

В голосе звучала явная досада — словно его обделили.

Цзян Фэй, прижимая к себе Ушу, огляделся. Возле говорившего стояли трое смертных. Если после выхода из иллюзии добычу предполагалось делить на всех, Пэнлай и впрямь выглядел «в убытке».

Однако Владыка Горы вовсе не считал, что оказался в проигрыше. Раздув усы и вытаращив глаза, он выглядел точь-в-точь как вздорный соседский старик:

— Невежественный дурень, разуй глаза и посмотри, кого я привёл! Какая разница, сколько их? Мой один стоит сотни — это абсолютное совершенство!

Владыка был убеждён: его единственный смертный ценнее пятерых чужих.

Чем прекраснее добыча, тем она слаще.

Рассмотрев лицо Цзян Фэя, собеседник понял, что цепляться к внешности бессмысленно, и переключил внимание на другое:

— А это ещё что за странные твари при нём?

На этот раз поводом для придирок стали Ушу и Паньцзяо.

Паньцзяо отличался буйным нравом: он принялся ровнять землю копытом и наклонил голову, намереваясь кого-нибудь боднуть.

Цзян Фэй, не желая, чтобы его баран отправился на тот свет раньше времени, схватил его за рога и заставил остыть.

Владыка Горы тем временем продолжал спорить:

— А ну присмотришь получше!

Разглядев барана как следует, оппонент мгновенно сбавил тон и одобрительно кивнул:

— Упитанный...

Владыка остался доволен. Как-никак, двухсотфунтовый жирный баран!

Пока озабоченные едой бессмертные обменивались двусмысленными фразами, кто-то слегка потянул Цзян Фэя за рукав. Обернувшись, он увидел стоящую позади девочку лет двенадцатитринадцати.

«Надо же, — подумал Цзян Фэй. — Оказывается, действительно бывают люди, прекрасные с самого детства».

Девочка прижалась к нему и прошептала:

— Брат, мне страшно...

Это напомнило Цзян Фэю о младшем брате. Без единой дурной мысли он сжал её холодную ладошку в своей руке и отозвался:

— Как войдём, держись за мной.

На самом деле никто из них не ведал, что ждёт их впереди, но человек — существо коллективное. Когда рядом кто-то есть, справляться со страхом становится легче.

В конце концов «людей» собралось невероятно много. Величественные легенды, веками ходившие среди смертных, на поверку оказались лишь чередой гигантских скотобоен.

Раз уж они прибыли сюда, свирепым «бессмертным» больше не нужно было хранить притворные маски. Они перестали заигрывать со своими жертвами. Один из бессмертных взмахнул рукавом — каменные ворота широко раскрыли пасть, с острых клыков закапала алая кровь, и более тысячи человек разом сорвались в провал по ту сторону ворот.

Пути назад не было. Взяв девочку за руку, сев на барана и прижав к груди белку, Цзян Фэй сам шагнул в каменные ворота до того, как их настиг ледяной некротический ветер.

Выбора им всё равно не оставили.

Иллюзорное Царство Бессмертной Судьбы кишело тварями кошмаров. Они несли болезнетворные заразы и способны были проникать прямо в разум. Через каждые несколько шагов Цзян Фэй натёкался на иссохшие людские остовы.

При жизни эти люди, вероятно, обладали привлекательной внешностью, а теперь покоились на самом дне беспросветной бездны.

Девочку звали Синчэнь. От ужаса она одной рукой вцепилась в Цзян Фэй, а другой сжала рог Паньцзяо.

— Впрочем, так даже лучше, — неожиданно раздался голос Цзян Фэй.

Синчэнь не поняла.

— Не говоря уж о том, что хуже — быть сварившимся заживо или проглоченным целиком, здесь мы хотя бы не попали в чужие желудки. Не придётся терзать себя мучениями посмертного переваривания.

Смышлёная девочка с опозданием осознала смысл его слов и в ужасе распахнула глаза.

Сущности кошмаров нападали без разбора. Защитные талисманы, данные Крайним Востоком, поначалу кое-как сдерживали урон.

Из-под земли начали пробиваться шелестящие плети закрученных лиан. Среди зелени стеблей угадывались пульсирующие алые жилы — они раздувались, словно живые сосуды, в предвкушении скорой добычи.

Среди сплетения стеблей белели многочисленные кости — обглоданные настолько чисто, что на них не осталось ни единого кусочка плоти. Чище, чем после стаи голодных псов.

— Поспешил я с выводами, — сморщился Цзян Фэй. — Выходит, и здесь могут сожрать.

Голова шла кругом.

Они попали в самый настоящий ад с первых же секунд. Он искренне не понимал, каким образом в таком месте вообще можно добыть «бессмертную судьбу».

Синчэнь испугалась не меньше. Вскрикнув от ужаса, она взмахнула ручкой — и из её ладони вырвались мельчайшие искры света. Они мгновенно рассеялись и опали на землю.

С сочным треском стебли лиан срезало у самого корня!

— Сестрица, — Цзян Фэй мгновенно сменил обращение, — с такой-то силой чего ты вообще боишься?

Синчэнь глядела на собственную ладонь с ещё большим изумлением, чем Цзян Фэй.

Тот вдруг всё понял. Цзян Фэй тоже попробовал взмахнуть рукой — но не вызвал даже лёгкого дуновения ветра.

Цзян Фэй:

—...

Если по-честному, он считал, что его исходные данные куда внушительнее, чем у Синчэнь!

Лиан оказалось слишком много — одиночный удар Синчэнь не мог спасти положение. Из тьмы метнулись похожие на плети тени. Синчэнь отразила несколько, но перерубить всё была не в силах. Цзян Фэй уже приготовился к неизбежной боли, как вдруг с его груди прыгнула Ушу.

— Ушу! — испугался Цзян Фэй.

Летучая пророчица закружилась в воздухе, орудуя коготками и пышным хвостом. Она мгновенно измельчила подбиравшиеся плети, а затем ловко вскарабкалась Цзян Фэю на плечо и ласково ткнула носиком в его щеку.

Её хвост гордо задрался вверх, а алый бант на кончике задорно покачивался, быстро вернув Синчэнь душевное равновесие.

Но только не Цзян Фэю — его чувства оставались весьма смешанными.

Лианы наступали бесконечным потоком, и главными защитниками неожиданно стали Синчэнь да Ушу. Цзян Фэй молча слез с барана. Когда же Паньцзяо одним ударом рогов раздробил очередную порцию стеблей, Цзян Фэй лишь утвердился в своих догадках.

У этого Иллюзорного Царства Бессмерной Судьбы прослеживались явные проблемы с эстетическим вкусом!

Рёвущий Кролик-Драконоед S-ранга и человекоподобная аномалия из особого пространства всё же прорвались в реальный мир.

Сильнейшие из людей бережно защищали не вовлечённых в бой младших. Мудрый Единорог рассерженно ринулся в битву, но был отброшен во внешний круг человекоподобной аномалией, окутанной звёздным светом.

Боевая мощь аномалии А-ранга слишком сильно уступала сопернику.

Раздражённо топнув копытом по земле, Линьхуа кое-как успокоил себя, а затем неожиданно предался злорадству:

«Рёвущий Кролик-Драконоед... Зайчики ведь такие милые, зачем им есть дракончиков?»

«Зато в будущем есть к чему стремиться».

Тьма окружила место, где находилась Синчэнь. Даже медиумы А-ранга с их духовным зрением не могли разглядеть происходящее на большом расстоянии.

Фу Сяо, стоявший на самой вершине пищевой цепочки людей и аномалий, вновь явил свой облик.

«Хм».

Линьхуа не горел желанием с ним заговаривать — тот по-прежнему отказывался рассказывать, что именно Цзян Фэй пережил на Тропе Бараньих Кишок.

«Притворство», — внезапно изрёк Фу Сяо.

«Чего?» — не понял Линьхуа.

«Непостоянство».

Вот теперь скелетный конь всё понял.

Подняв копыто, он с глубокомысленным видом погладил себя по подбородку и мысленно ухмыльнулся:

«А дальше нас ждёт испытание похотью, верно?»

«Тогда моему Фэй-Фэю обязательно нужно подкинуть кого-то получше!»

Да, именно так: он был тем ещё вероломным и предающим хозяина конём-духом!

Фу Сяо:

—...

<http://bllate.org/book/19820/1992628>